

АНАБЕЧДИ

2012

Не воюйте с химерами в себе,
Чтоб не уничтожить себя как вид.
/p.s. к Руставели/

Игра

ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИГРА.

И, пожалуй, самая захватывающая из всех доступных человеку игр.
В ней можно позволить себе все: быть тем, кем хочешь, стать таким, каким мечтаешь.
В ней можно даже рискнуть и оказаться тем, кто ты есть на самом деле.
В ней можно манипулировать временем, пространством, мыслями, представлять себя философом или оратором, выдавать чужие великие рефлексии за свои, с головой погружаться в нескончаемые сложнсюжетные капризы, а потом, ничего не стыдясь, безболезненно исправлять многочисленные ошибки, умело ретушировать глупость, и, в конечном итоге, из раза в раз, как ни в чем не бывало, начинать жизнь заново.
Вот когда удается с легкостью примерять любые маски, неприкрыто лгать и относиться к подобной лжи как к полноценной правде.
Восхвалять ее.
Возводить в ранг.
Ставить на одну ступень со всем самым сокровенным, самым милым сердцу.
И никакого смущения по поводу «авторства».
ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ...
В отличие от ежедневности – это не бег на месте.
Напротив, это вечный соблазн опережать события.
Рисовать в статусе победителя.
Бравировать еще несовершенным грехом.
И, не боясь наказания, заигрывать с небесами.
Ни для кого не секрет, что ИГРА сия призвана создавать параллельную реальность.
Ведь в большинстве случаев она выглядит куда ярче и выразительнее, чем бытие.
А иногда достойнее.
Логичнее.
Откровеннее.
Речь не идет о пренебрежении к окружающему миру или собственному «я».
Скорее, это естественный поиск «я» истинного.
Скрытого зачастую не столько от посторонних, сколько от самого себя.
Но насколько можно доверять всякого рода надуманным параллелям?
Какой из двух поступков искреннее – воображаемый или совершенный наяву?
Как относиться к остальным homo sapiens – беря пример с книжных героев или исходя из личных слабостей и корысти?
Появление таких вопросов способно вывести психику из равновесия.
А то и вовсе лишит ума.
Воображение же – всегда отдушина.
И надежное укрытие.

Где можно перевести дух, разобраться с комплексами и фобиями.
Где можно собраться с силами, позволив себе многое: и дерзость с коварством, и отчаяние, на которое прилюдно обычно не хватает характера.
Это самый доступный способ свержения стереотипов.
Первый шаг к обновлению.
А значит, и к созиданию.
Трудно найти себе более верного друга.
Воображение никогда не предает.
Оно спасает даже самого безбожного, трусливого и не в меру наивного.
Разрешает открыто любить запретное и покушаться на бессмертие.
А еще позволяет по-настоящему ненавидеть и не искать объяснений своей ненависти.
Ничто так не приводит в движение чувства и открыто не провоцирует на неожиданные поступки, как неумная человеческая фантазия.
Ничто так не искушает, не заражает азартом, как попытка представить мир иным.
И мир собственный, в том числе.
Почти всегда получается.
Почти всегда получается эффектно.
Хотя порой и с трудом узнаваемо.
Но разве это столь важно?
ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ...
Нескончаемая.
Длиною в вечность.
ДНК которой целиком и полностью состоит из образов.
Иногда сложных.
Иногда пустых.
Иногда неосторожных.
А иногда умышленно неосторожных.
Семь раз отмерь – здесь неуместно.
От идеи до воплощения долго ждать не приходится.
И чем процесс скоротечнее, тем слаще результат.
Другой такой игры нет.
И по простоте.
И по глубине погружения.
Она сама себя выдумала.
Из воздуха.
И настроения.
Ее принцип – импровизация.
Ее блеск – в остроте.
Особенно это ощущаешь, когда оказываешься перед чистым листом бумаги с карандашом в руке.
Кириллица, латиница, грузиница – отныне оружие.
В твоём беспощадном распоряжении.
И ты бросаешься в бой.
За своего героя.

Наплевав на все противоречия.
И взаимоисключения.
Не боясь быть непонятым или осужденным.
Не боясь ни совести.
Ни ответственности.
Ни безответственности.
Ты – один на один с собой.
Будто нагой.
Бросивший вызов отражению.

Берлин

Да, Берлин – не вся Германия.
Тем не менее Берлин – вся Европа.
Ведь сердце и есть все и вся.
Не в том романтическом смысле, как в песнях.
А в прямом, анатомическом.
Эх, хочется, облачившись однажды в накрахмаленный халат,
покопаться в человеке и человечестве.
Почувствовать себя хирургом-проктологом-гинекологом.
Отказавшись от услуг анестезиолога.
Берлин – самый удачный для подобного эксперимента пациент.
Он же – самая подходящая для этого садизма арена.
Без лишних декораций и прочих выпуклых условностей.
Здесь аллюзии быстро расправляются со временем.
И превращаются в абстрактные каменные изваяния.
Здесь реальность беззащитна перед далеко идущими амбициями.
И, вопреки логике, частенько готова идти на уступки.
Когда показательно, когда закулисно.
У этого города все признаки истории на лице.
Диагноз – формальность.
Как и многотомная справка, завизированная октябрём 46-го, где он
был в деталях описан.
И зачем Берлин тогда брали штурмом?
Жгли.
Рвали.
Кромсали.
Он и сам бы отдался.
На расчленение.
К тому же, гораздо раньше отведенного ему срока.
Театр начинается с вешалки, ИСТОРИЯ – С ВИСЕЛИЦЫ.
Виселицей она и заканчивается.
Таков окончательный зрительский приговор.
Который обжалованию не подлежит.
Театр можно назвать Берлином.
А можно Нюрнбергом.
Фейсы одни и те же.

И никакой самодеятельности.
Обожаю Лени Рифеншталь.
От ее шедевров до сих пор мурашки по телу.
И слюны полон рот.
Ничего более оголенно-упругого в Белых столбах мне отыскать не
удалось.
После ее сеансов сразу потянуло на подвиги.
Захотелось скорчить рожу кайзеру-монументу.
Примерить на себя музейную концлагерную форму.
Заняться любовью в бункерном будуаре Гитлера.
Даже спустя месяцы после посещения Столбов я все еще находился
под впечатлением.
С удовольствием попивал мутное баварское на сколотых ступеньках
Рейхстага.
А потом там же расшвыривал пустые банки, которые с грохотом
скатывались вниз.
Не испытывая ни страха, ни угрызений совести.
Полиция при этом меня молча прощала.
Fair play в Германии нынче в моде.
Четыре здоровяка в погонах равнодушно наблюдали за маленькой
вакханалией.
Ну как не воспользоваться такой свободой?
Прямо у них на глазах я с разбега покорил ближайшую гору бетонного
мусора.
На всю округу извергая фонтанное многообразие родной русской речи.
Поупражняться в нецензурной брани на развалинах Берлинской стены
– бесплатная забава для многих восточно-европейских туристов.
Не удалось в свое время под дулами автоматов на нее вскарабкаться,
зато теперь посчастливилось от души проорать все, что ты когда-то о
ней думал.
Берлин – открытый урок прошлого.
И на нем вправе присутствовать любой гражданин мира.
Без приглашения.
Визы.
И не только еврей.
Еще на примере Берлина любопытно понаблюдать, как миллионы
прячутся от своей истории.
Отчаяннее немцев этого не делает никто.
Они продолжают пугаться собственной тени.
Втянув голову в плечи.
Без умолку болтая о покаянии.
Осталось лишь переименовать Берлин в Берл-Авив, а Гамбург – в
Хайфу.
И стоило тогда заваривать кашу?
Точнее, аж две мировых каши.
После которых даже вылизанных мисок не осталось.
Ладно, не будем злопамятными.

Великий великого должен прощать.
Ведь среди проигравших был и сам Маркус Вольф.
Цвет глаз: пятнадцатый.
Цвет волос: «В».
Категория: годен.
Давайте относиться к себе подобным по-родственному.
В конце концов, мы все появились на этот свет из одного общего смысла.
И все в единое бессмыслие уйдем.
Еще раз респект Лени Рифеншталь.
Спасибо нордической красоте.
Ее мир – не просто проктология с гинекологией.
Это круче.
Это триумф воли.
Арийской.
Хоть и вперемешку с женской.
Жаль, что ее не вдохновили неарийцы – Рузвельт, Сталин, Черчилль.
Мы бы еще такого кино насмотрелись!
И уж совсем непонятно, почему ей не пришлось по вкусу обаятельный пионер-отличник Хонеккер.
Не повезло очкарику.
Не повезло четверти всех немцев.
А вместе с ними и Белым столбам.
Лени, ты восхитительна!
И не по-женски отважна.
Ты заглянула в экранное зеркало от имени сходящей с ума нации.
Более того, ты показала миру все, что в нем увидела.
И в чем так боялись признаться твои соплеменники.
Кино, правда, – самое безжалостное из искусств.
Берлин прочувствовал это на своей шкуре.
Еще задолго до расчленения.
Коалиция же сделала вид, что ничего не видит.
Да и позже она мало что замечала.
Тем временем у бывшего мучителя-мученика появились свои фестивали и свои поклонники.
Можно не сомневаться, скоро народятся и новые боги.
Нарисуются новые оси.
Никто не знает, сколько осталось до следующей каши.
И нет разницы, кто ее на сей раз заварит.
Стол не может быть долго пустым.
За аппетитом же дело не станет.
Неубитые медведи все еще бродят по лесам, проспектам, странам и континентам.
Так что будет, что делить.
И с кем из друзей-врагов ссориться.
Прощай, оружие – не про нашу эру.
У голодных и жадных свои счета с миром.

Свои дорожные карты и свои расчеты.
Флагшток им в руки.
А кусок цветастой тряпки подберут по ходу, ближе к очередному «блицу».
Чертово колесо Истории крутится.
Без тормозов.
И ничего, что со скрипом.
Даже не важно, в какую сторону.
Да хоть во все сразу.
Mahlzeit!

Контрабас

Если о ком-то и можно сказать, что медведь ему на ухо наступил, так это обо мне.
Даже в моем разбухшем персональном деле, пылящемся на одной известной московской площади, данный нюанс выделен красным фломастером.
Что повышает авторитет моего полуглухого уха до уровня объекта государственной важности.
Но, слава Богу, их у человека два.
И слава медведю соТОВАРИЩИ, которые мое второе то ли не заметили, то ли великодушно пощадили – вдруг оно еще пригодится обществу.
Так или иначе, мне сохранили полноценную жизнь.
А для музыки – еще одного, хоть и не совсем внятного, но пылкого любителя.
Все же лучше слушать музыку одним ухом, нежели не слушать вообще.
На фестивале в Байройте я в этом убедился.
Во всяком случае, спящего в сотне шагов от концертного зала Вагнера присутствие столь сомнительного ценителя классики не разбудило и не возмутило.
Нибелунгов с майстерзингерами тоже.
Стерпели.
Более того, от них ото всех я получил ничуть не меньшее удовольствие, чем остальные слушатели.
Впрочем, не Вагнером единым...
Мои восторги, несмотря на природный казус, относятся в равной степени к любой музыке.
Я – всеяден.
То ли от недообразованности, то ли такова специфика личного выбора.
Но особое место в этой бесконечной коллекции занимает контрабас.
Он будоражит меня от первого до последнего звука.
Он заточивает нервы.
Заставляя колотиться сердце в совершенно несуразном ритме.
Вот только не знаю, любил бы я контрабас, если бы на нем не играл Иракий.

Как и не знаю, любил бы я Ираклия, если бы он не играл на контрабасе.
Но нам троим повезло.
На гэдээровских развалинах последнего рейха мы ощущали себя в полном триединстве.
Целых три месяца.
Подчинив себе, как рабов, и музыку, и мысли, и благоухающее весной пространство.
Даже скачущий по столу белый теннисный мячик до сих пор вызывает умиление.
Время же, увы, подчинить не удалось.
Оно всегда рубит наотмашь.
Был Ираклий – нет Ираклия.
Был контрабас – нет контрабаса.
Однако музыка под натиском времени устояла.
В своем признании она обошлась без слов.
Ей оказалось достаточно нот.
Смычок пилит.
Струны воют.
Без жажды аплодисментов.
В стиле польского постмодерна.
Ираклий сумел красиво себя посвятить.
Одному-единственному слушателю.
В бархатном саду среди облезлых античных статуй.
И посвящение это вернулось ему взаимностью.
У замка Виперсдорф оказалась не только достойная история, но и благородная аура.
Привидения не вмешивались в чужое таинство.
И не навязывали своих средневековых вкусов.
Они были лишь частью интерьера.
Проводниками духа.
Я до сих пор иногда вдыхаю хвойный запах тех мягких зеленовато-кокаиновых вечеров.
А резкие взмахи длиннющих рук все еще всплывают в слегка замутненных воспоминаниях.
Viva Gabrys!
Viva гений!
Ведь ты и был тем придуманным Ираклием.
И благодаря тебе тот остался навсегда.
Шепотка белого «снега» альянсу не мешала.
Живая музыка хоть и дружит с запретным, насильно в рай никого не тянет.
Так что земная любовь торжествовала.
Выше нее нет ничего.
Однажды родившись, чудо не умирает.
Жаль только, что рождается оно редко.
Случайно.

И в том его уникальность.
Вагнер и контрабас могут подтвердить.
Они – вне конкуренции.
А значит, вне ревности.
Они знают цену и всему припрятанно-утонченному.
И всему нескрываемо страстному.
Смычок пилит.
Струны воют.
Соло продолжается.
Который год подряд.
Как со сцены, так и в записи по ночам.
И ничего, что для одного уха.
Щеки все равно горят.
До утреннего пробуждения.
P.S.
Еще раз – слава медведю!
А то ведь он мог бы и на второе...
Спросонья, например.
Или спьяну.
Или по наводке других товарищей.

Liberty

Самое избитое слово из скудного плебейского лексикона.
На каком бы языке оно ни звучало.
И в каких бы горах эхом ни отдавалось.
На него был, есть и будет спрос.
Оно лишено альтернативы.
Хотя не лишено харизмы.
И ему всегда найдется видное местечко.
Поближе к сердцу обывателя.
Наверняка.
СВОБОДА.
Слово-плакат.
Слово-гранит.
Слово-коллорационист.
Приложений можно придумать тысячи.
И каждое из них по-своему впишется в образ.
По затасканности, по частоте звучания в мудреных речах с этим словом не сравнится никакое иное.
Более того, оно с легкостью затмевает в новостях любое событие и даже любую проблему.
Потому что оно уже само по себе есть проблема.
От которой никогда не избавиться.
И по вине которой можно лишиться разума.
Поговорите о свободе – вас крупным планом покажут по «ящику».
Покричите с флагом в руках – выдвинут в депутаты.

Не упускайте шанс.
Отвечать за сказанное не придется.
Ведь ваша персона – всего лишь прикрытие.
СВОБОДА ДАВНО ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ КАТЕГОРИЕЙ
ЛИЧНОСТНОЙ.
И уж тем более личной.
Превратившись в главного покровителя зла.
Все, что продается в мире – от ее имени.
Все, что губит душу людскую – связано с ней.
Можно, конечно, подать на нее в суд, но, увы, судить ее будет некому.
Ну кто осмелится на подобный вызов?
Кто рискнет привести в исполнение обвинительный приговор?
Гораздо проще перейти с ней на «ты», найти общий язык и даже
побрататься в меркантильных интересах.
Чаще всего именно так все и происходит.
Правда, под маркой интересов куда более значимых и глобальных.
Толпа – опытный купец.
Толпа – старый еврей.
Она-то знает, что со свободой делать.
Потому что она всегда во главе борьбы.
Даже если это – имитация.
Даже если это – провокация.
Однако вопреки ухищрениям политклоунов и прочих иллюзионистов,
история аккурат все фиксирует.
А значит, и приговор свой когда-нибудь вынесет.
В «допотопные» времена под свободой подразумевалась пролитая за
нее кровь.
Теперь она ассоциируется с баррелями, кубометрами и
симметричными осками президентов.
Бедный усатый Ницше: его, наверное, на том свете тошнит от всего
происходящего на свете этом.
Но что поделать, сам виноват, не стоило задирать так высоко планку.
Теперь же о свободе духа вслух говорить не принято.
Слишком экзотично и не материально.
Поэтому вряд ли кто станет с ней разбираться.
Такая свобода выстрадана болью.
Не определяется выгодой или спросом.
И не управляется специальными департаментами с заумными
названиями.
Такая свобода не просто индивидуальна.
Она – безмерно глубока.
Она – интимна.
У каждого к ней свой неповторимый путь.
Ухабистый.
Извилистый.
Долгий.
И не надо стыдиться роковых ошибок и заблуждений.

Потому что они – часть этого пути.
Не надо за них просить прощения у будущих поколений.
А заодно у прошлых.
Да вообще ни у кого.
Такая свобода есть частная собственность.
Она неприкосновенна.
И неповторима.
Более того, она даже незрима.
Будучи вершиной самопознания, она умирает одновременно с
человеком.
Тоже физически.
Такой свободе памятников не ставят.
И гимнов не поют.
Такой свободе посвящается жизнь.
Именно об этой свободе говорил Заратустра.
Но сейчас позабытый жрец и пророк молчал.
В красочном городском путеводителе одной из столиц, который я
просматривал в переполненном вагоне метро, разумеется, говорилось о
другой свободе.
И я не стал с многоязычной брошюрой спорить.
Направляясь по случаю праздника в центр города, я пребывал в
отличном майском настроении.
И потому решил не отвлекаться на философские изыски.
В конце концов, у каждого существа свое представление о свободе.
Значит, сегодняшний парад в ее честь тоже имел право на размах и
помпезность.
Тем временем пассажиры в вагоне, словно готовясь к старту,
засуетились.
Все улыбались.
Громко разговаривали и смеялись.
Напоминая возбужденных фанов победившей команды.
Неожиданно и я почувствовал себя органической частью этого
счастливого люда.
Голос диктора развеял последние сомнения.
Осторожно, двери закрываются.
Следующая станция «Площадь свободы».

One

Части тела на выбор.
Цвет, формы, размер.
Что Амстердам.
Что Репербан.
Что центральная улица любого города России.
Ты стоишь, будто приклеенный спиной к стене.
Не помня, был ли ты здесь вчера.
И не понимая, как здесь оказался сегодня.

Ты стоишь уже который час.
Не слышащий самого себя.
Невидимый для остальных.
Вроде бы всего и вся вокруг в избытке, однако ты этим разнообразием пренебрегаешь.
Ты существуешь в иной плоскости.
В ожидании внутреннего взрыва.
Но взрывать некому.
В голове мелькают лишь случайные (не дерзкие) мысли для поддержания пульса.
Ни креатива.
Ни азарта.
Ни тлеющего перманентного сумасбродства.
Телефон нервно дергается в кармане от звонков – тебя хотят видеть близкие, дальние, разные.
Но среди них нет того, с кем бы хотелось говорить.
Или хотя бы обменяться молчанием.
Одиночество – не отсутствие людей вокруг.
И не пугающая забвением тишина.
Это пустота в тебе.
Это отсутствие единственного звука или блика, способного заставить тебя творить, претворять или, на худой конец, вытворять.
Когда все задуманное (исполненное и неисполненное) уходит в безвозвратное прошлое.
Ты замираешь в ожидании чего-то нового.
А оно, будто в наказание, не наступает.
Можно, конечно, все злосчастия свалить на стечение обстоятельств.
На всевышние капризы и недоразумения.
Но сколько ни оправдывайся, сколько ни выискивай в своей душе добродетель, в какой-то момент все равно осознаешь, что твоя персона больше ни для кого не представляет ни ценности, ни интереса.
И в первую очередь, для самого себя.
Одиночество – вирус.
Почти не исследованный наукой.
И не признаваемый медициной.
Тем не менее ты чувствуешь его каждой клеткой.
Каждой воспаленной извилиной.
От него нет прививок и лекарств.
Как нет их от суицида.
Вот почему трудно избавиться от этого инфекционного агента.
Его не сломить разгулом и не заглушить оркестром.
Его не задобрить, не запугать.
Одиночество – терминатор.
С генами ада и бессмертия.
Ты стоишь в ночи, им поработанный.
Не сопротивляясь.

И только зомбированный мозг где-то в глубине тихо, по инерции отстукивает азбуку Морзе...
Озарение наступает спонтанно.
Словно в ответ приходит неведомый сигнал из космоса.
Ты получаешь команду взять в руки спички.
И развести костер.
Ты вновь становишься пожароопасным.
Пусть горит.
Обжигает.
Пусть возносится пламя до небес.
Вселенная должна очнуться от прикосновения света.
Признать в тебе частицу себя.
Тогда и жар от костра наверняка вернет тебе способность воспринимать мир.
А это уже надежда.
Или хотя бы намек.
Еще вчера было не важно, кто тебя окружает, с кем ты отсчитываешь время.
Не имело значения, кто смотрит на тебя, тебя не замечая.
Днем ты жил почти вслепую, по ночам же оказывался под гипнозом тусклой настольной лампы, наедине с комнатными тенями, лишенный своего имени и родства.
И вдруг появляется шанс.
Найти в уличной толпе образ, близкий лично тебе.
Ты снова бросаешься в поиск.
И поиск этот становится твоим нервом и кровью.
Превращается в непредсказуемый спектакль.
А будет новое действующее лицо в нем придуманным или реальным, значения нет.
В конце концов, какая разница, кому быть благодарным за спасение.
Главное, что целительные иллюзии начинают дарить неведомые до сих пор чувства.
И в первую очередь, альтернативу твоим затянувшимся заблуждениям.
Без свежих замыслов-вымыслов, правда, можно в петлю залезть.
И жалко себя не будет.
Так ударим воображением по одиночеству!
Невзирая на собственные недуги, комплексы, выкрутасы психоанализа.
Превратим неизбежность бытия в победу над пустотой!
Вот только не потерять бы в очередной раз голову.
И не поддаться на оптический обман.
Одиночество – призрак.
Оно никогда далеко не уходит.
Но даже временное спасение от него способно изменить тебя.
Рассвет.
На Репербане гаснут фонари.
Ты отрываешься от стены.

И, кажется, на сей раз знаешь, куда идти.
Чем не повод для маленького торжества?
За компанию приглашаются все желающие.
Приглашаются все одинокие.
Факел как ориентир.
Renaissance.
Или проще: РЕАНИМАЦИЯ.

С2Н5ОН

Сам по себе сей искуситель ничего не значит.
Градус он и есть градус.
Ценность же представляют, скорее, его художественные последствия,
которые надолго оседают в памяти, как в музейном запаснике, и время
от времени всплывают на трезвую голову.
Вы когда-нибудь видели пьяного дельфина?
Я видел.
Вживую.
И в профиль, и в анфас, и в полный рост.
Более того, я пристально за ним следил.
Не пропуская ни одного его упрямого слова, ни одного размашистого
жеста.
Правда, для всех, кроме меня, он с виду не очень-то и дельфин.
Даже не безрогий олень, от которого, по домыслам генетиков,
миллионы лет назад произошли эти милые гладкошкурные животные.
И ходит всегда на полусогнутых, как профессиональный регбист.
И штаны на нем сарафаном висят, как на потерявшем подтяжки
Карлсоне.
А то, что он был пьян – ничего.
Я ведь тот день тоже начал борьбой с похмельем.
Ему была суша по барабану.
Мне – море по колено.
Короче, мы нашли друг друга.
И в редком согласии, и в отчаянных спорах.
Периодически меня одну полутемную забегаловку на другую.
И общий язык нашли сразу.
Потому на нереспектабельный вопрос респектабельной Frankfurter
Allgemeine, можно ли рассуждать о мировой истории за стойкой бара,
без тени пьяного кокетства отвечаю: «Можно!»
И еще как.
Эта тема – лучшее дополнение к любому волнующему кровь напитку.
Даже закусок не надо.
Так что ханжеский и лицемерный вопрос классических газетчиков
абсолютно неуместен.
Им тоже свойственно заблуждаться.
Да и вообще, с полным стаканом в руке можно умничать, о чем
заблагорассудится.

Хоть о бейсболе.
Хоть о сексуальных пристрастиях улиток.
Хоть об акварелях фюрера.
Причем не стоит крутить носом: в стакане водка, коньяк или одеколон
из галантерейного ларька?
Ничего страшного, даже если все три – в одном.
Каждый живет по собственному рецепту.
Градуснику.
И компасу.
Дельфины – не исключение.
Они ведь тоже люди.
И на историю у них тоже есть свой взгляд.
Который, кстати, ни с моим, ни с газетным очень часто не совпадает.
ГАУМАРДЖОС!
ИЛИ КАК ВОСКЛИЦАЮТ НА МАЙНЕ: «PROST!»
Я уже не одно десятилетие пламенно дружу со многими
спиртопотребляющими.
И надо сказать, что гуманитарные вопросы еще ни разу меня ни с кем
не ссорили.
А тут вдруг обида на целую газету.
Но заядлого пьяницу это не изменит.
Не протрезвит и не исправит.
Мое воображение не выбирает пепси.
Так что не стоит путать высокое с вульгарным.
Бесполезно навязывать гурману с устоявшимися левыми взглядами на
прошлое приторные правые вкусы.
С русской рулеткой они не сочетаются.
Как и с нерусским Вагнером.
Остальным моим (по крови вашим) персонажам они тем более чужды.
Я – в своих слабостях последователен.
Поэтому – что хочу, то в своих текстах и ворочу.
Не ваше дело, господа бумажные.
Мы сами с усами.
И даже с бородой.
Так что не судите строго.
И не приписывайте лишнего.
Мистикой я не злоупотребляю.
Идеологией тоже.
Злоупотребляю только алкоголем.
И с огромным удовольствием.
Впрочем, что я перед вами оправдываюсь?
Меня вам все равно не понять.
ВЫ ЖЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛИ НАЯВУ ПЬЯНОГО ДЕЛЬФИНА.
Точно знаю, что не видели.
И не увидите.
А я видел.
Так-то!

И даже до глубокой ночи шатался с ним в обнимку по улицам и разным хинкальным.
Жаль только, что на брудершафт мы не выпили.
Забыли.
Наверное, нужно было пригласить в нашу неразлучную компанию сказочницу Линдгрэн.
Она б напонила.
Затмив своей непосредственностью все злоключения мировой истории.
И, может, заодно б подтяжки в подарок охламонистому дельфину прихватила.
Для полноты образа.

Двое

Дружба – всегда зависимость.
Дружба с алкоголем – зависимость вдвойне.
Иногда настолько привыкаешь к боксерской способности любимого напитка отправлять реальность в нокдаун, что надолго выпадаешь из повседневного графика, забывая о существовании реальности вообще.
Такая дружба редко терпит третьего лишнего.
Она сродни его величеству оргазму, делиться которым вряд ли кому-то взбредет в голову.
Я наливаю рюмку за рюмкой.
Без праздного шума и свидетелей.
Без спешки, льда и тостов.
Я педантично наливаю рюмку за рюмкой, и окружающее пространство постепенно теряет обывательский лоск, а заодно привычную форму и устойчивость.
Сорокаградусный импрессионизм погружает все в густой нелетнопогодный туман.
Но ухудшающаяся видимость меня не смущает.
Включаются запасные регуляторы локации.
Сознание меняет свой внешний вектор на внутренний.
Отчего идей с каждым глотком возникает все больше.
Они становятся все смелее и разнообразнее.
С легкостью перемешиваясь друг с другом, как джин с тоником.
Превращаясь в нескончаемую нетрезвую гениальность.
Которую нельзя ни скорректировать, ни оспорить.
Потому что по безапелляционности и тупому напору она напоминает то ли смертный приговор, то ли, на худой конец, строгий выговор.
Мозг начинает рулить на полную мощь по всем внутренним направлениям.
Мозг – безумец.
Обольститель.
Мудрец.

Я восхищен своей заведенностью, своими спонтанными открытиями и способностями.
Хотя не совсем понимаю, откуда их столько и сразу.
Зато алкоголю хорошо известна подоплека этой поистине неземной плодовитости.
ВОТ ИЗ ЧЕГО РОЖДАЮТСЯ ТИПАЖИ.
Слезливые и высокопарные.
По замыслу – неповторимые, по выражению критиков – слащаво-смазливые.
Одним словом, художественные.
Дружба всегда держит автора в тонусе.
Но она бывает не только продуктивной.
Знак «минус» ей тоже иногда не чужд.
Когда космическое головокружение начинает «уносить».
На фоне опустевшей стартовой бутылки.
Когда вдруг наступает время нового восприятия.
Вот оно, время – без времени.
Растворяющее до нуля сладости и горькости бытия.
Полное ехидства и злого юмора.
Секунды сомнения...
Но не долее.
Следующая «0,5» – на столе.
Дыхание второе.
Стадия парадоксальная.
Да здравствует вседозволенность!
Долой жеманство и уставное приличие!
Я наливаю рюмку за рюмкой и уже готов проявить себя в самой сумасбродной роли.
Но готовность эта остается невостребованной.
Энергия кипит исключительно внутри.
И выплеснуться наружу ей не позволяет отсутствие в ногах твердости.
Неужели на большее я не способен?
Неужели животное самосохранение побеждает?
Вопрос следует за вопросом.
И как итог: отсутствие ответов.
Я смиряюсь.
Зарывшись на максимальную глубину в свои эмоции и мысли.
Потеряв надежду на ободрение...
Однако ближе к ночи по пути из кухни в спальню меня останавливает собственное отражение в зеркале.
Разглядеть в колышущемся силуэте знакомые очертания удастся с трудом.
Бормочу себе что-то под нос.
С высоты предвзятого зрителя.
Оцениваю свой размазанный портрет кисти неизвестного художника.
И неожиданно... нахожу себя... героем.
Губы надуваются от важности.

Рука опять тянется за сигаретой.
Кто сказал, что я пьян?
Абсурд...
Да, бутылка пуста.
Но последняя рюмка еще не выпита.
Самая умная мысль еще не отшлифована.
Циркуль моего не совсем ровного движения вычерчивает по
беззвучному велению: «Кругом!».
В игру вступает...
Дыхание третье.
Стадия, пытающаяся вернуть творчеству смысл.
Бесполезность, увы, подтвердится лишь потом.
А пока...
Из холодильника появляется очередная «0,5».
Недозамкнувшись, круг вновь размыкается.
«Моя гордыня еще способна на шедевр».
«Отлично!»
«И отнюдь не похабно».
Я не могу нарадоваться своему открытию.
За что всечеловеческая благодарность «органическому» богу Дмитрию
Ивановичу.
Менделеев как синоним бессмертия!
Как антоним ханжества и лицемерия!
Его величайшая интуиция породила в моей голове не одно поколение
шестистопных ямбов.
И эту цепь химических реакций не остановить...
Звезда перед смертью мерцает ярче.
Яд из собственных рук почему-то всегда воспринимается кайфом.
Новая заснеженная бутылка обжигает удовольствием еще сильнее, чем
ее предшественницы.
А то, что после такого размаха я уже наверняка не смогу добраться до
постели, меня совершенно не смущает.
Впрочем, сон – он и за столом сон.
И на полу – сон.
Главное, чтобы его никто не потревожил.
Вот только жажда с утра не пожалеет.
О, дружба, ты не знаешь границ!
С какого творческого ракурса ни взгляни.
ДВОЕ НАВЕКИ.
И на первой стадии.
И на второй.
И на последней.

Тифлис

Наверное, нигде и никогда я не испытывал столько восторгов и
разочарований, как в Грузии.

Иногда по одному и тому же поводу.
А еще чаще по отношению к одним и тем же людям.
Моментами я даже не соображал, что происходит.
Особенно за моей спиной.
За кого меня принимают.
Или за кого себя выдают.
У грузина на тысячу настроений тысяча мнений.
Сориентироваться в его шквалистых эмоциях, которые чаще всего не
вписываются ни в какие кодексы, удается не сразу.
Не говоря уже о том, чтоб разобраться, где причина, а где следствие.
В Грузии тебя могут мгновенно полюбить.
И точно так же, без какой бы то ни было причины, от души
возненавидеть.
Среднего не дано.
Мне довелось на себе испытать все эти американские горки
грузинской ментальности.
Катастрофические перепады которой способны вывести из равновесия
любого инородца.
В первых письмах из Грузии я настолько путался в своих
впечатлениях, что, перечитывая текст перед отправкой, порой себя же
не понимал.
Сам себе не верил.
Но наступавший день все эпистолярные «нестыковки» и
«неправдоподобности» лишь подтверждал.
Независимо от конкретных лиц и обстоятельств.
Независимо от того, появлялась ли у меня на кого-то скрытая обида
или нет.
Грузин не стесняется своих радостей и слез.
Напротив, он гордится ими.
Превращает в роли.
Идеально разыгрывая их при скоплении народа.
В возбужденном состоянии.
И, в первую очередь, за столом.
Когда сумма жарких температур всех присутствующих тел превращает
пространство в баню.
А молодое вино в дуэте с коварной чачей становятся символом всего
самого достойного, самого крепкого и самого мудрого.
Мера – потеря имиджа.
Мера – всегда за скобками.
Каждый недопитый бокал есть оскорбление не только собравшихся, но
и чуть ли не всей нации.
Возражение бесполезно.
Как и неуместно наличие любого отличного от Стола суждения,
высказанного вслух.
Так можно всех настроить против себя.
А там, глядишь, и страна поднимется.
Чтобы дать отпор чужаку.

Чем не очередной подвиг для обновленных учебников истории?
Грузин – человек с фантазией.
Которая служит ему зачастую не только стимулятором тщеславия, но и оружием.
Убивающим репутацию оппонента наповал.
После чего вовек ни оправдаться, ни отмыться.
Ни в узком личном, ни в широком публичном смысле.
Фантазия позволяет ему многое.
Удостоить врага чести, принести единственного друга в жертву, сочинить оду очередному покровителю.
Одни называют это чутьем, неординарностью, талантом.
Другие – издержками двуличия и конформизмом.
Но сколько бы ни препирались вежливые грузинолюбцы с не очень вежливыми грузинофобами об уникальности homo cartvelicus, выявить истину им не под силу.
Время – вне мелких распрей.
Так что громкие комплименты и тихие оговоры никогда не перестанут обрушиваться на пришельцев.
Без разбора.
И снисхождения.
На любом уровне.
По разным случаям.
Впрочем, в Сакартвело ко всему привыкаешь.
Сумбурность и экстаз, помимо твоей инородской воли, постепенно захватывают и твоё инородское сознание.
От переизбытка пафос понижается до уровня будней.
И ты уже не стесняешься воспринимать некогда чужие мысли за свои.
Однажды даже покажется, что таким ты и родился.
Причем не где-то далеко, а на берегу Куры.
У подножия плечистых гор.
Где любовь и ненависть нанизаны на один шампур.
Ты, конечно, можешь изредка фыркнуть.
Схватиться за голову.
Но никто тебе не позволит усомниться в незыблемом.
Нарушить местную гармонию.
Хоть ароматно-кулинарную, хоть аморально-моральную, хоть театральную.
Грех – не грех, если его нельзя искупить.
Бред – не бред, если нельзя поставить точный медицинский диагноз.
Потому традиционное недержание чувств проще списать на темперамент.
Вернее, на генетический код и своенравность цветастого национального колорита.
Последние годы, находясь в Грузии, письма я сочиняю все реже и короче.
Без апофеоза.
Чтобы не повторяться.

И лишний раз не заблуждаться.
Но заканчиваю их, по привычке, одинаково.
Из Тифлиса с любовью.
Автопилот.
ПРОЩАЙ, ИЛЛЮЗИЯ!

Алиби

Человек от рождения ощущает в себе двух извечных антагонистов: амбиции и лень.
Так и тянется эта вражда изо дня в день.
С унылым постоянством.
Умным видом.
И переменным успехом.
Независимо от возраста, физических данных, специфики интеллекта.
Часто даже назло здравому смыслу.
Однако стоит самому разумному из существ осознать, что с ним и в нем происходит, что ему благоволит, а что больше всего мешает, как он решается на хирургическое вмешательство.
На избавление от одного из конкурентов.
Рискованно?
Да.
Но без риска не обойтись.
Это тот редкий случай насилия над собой, от которого, правда, есть польза.
И вот выбор сделан.
Оставшийся в живых – с лавром на шее.
А смутные урывочные воспоминания о междоусобицах остаются лишь в старых дневниковых записях.
Никакого развлечения.
Сплошной расчет.
Минимум изящества.
Корысть.
Копание в себе – не от безделья.
Это форма существования.
Которая низводит практически до нуля значение среды обитания.
ЛУЧШЕ ДРУЖИТЬ С ОДНИМ ПОБЕДИТЕЛЕМ, ЧЕМ С ДВУМЯ ПОБЕЖДЕННЫМИ.
Citius, altius, fortius.
Во славу наведенного внутри порядка сразу зажигается олимпийский огонь.
И его уже не погасить.
Даже если твоим лидером становится лень.
Так что с этой минуты «я» можно без стеснения писать с заглавной буквы.
Можно заводить новый дневник.
Награждать себя новыми перспективами.

Комплиментами.
Мифами.
И любить себя с удвоенной силой.
Тучи над головой рассеиваются.
На фоне синевы появляется нимб.
Номо и sariens наконец-то обретают положенное им по рождению
единство.
Это торжествует.
Это как солнце.
Ведь именно оно, в первую очередь, страдает от всякого внутреннего
разлада.
И несет ответственность за все.
Это не терпит несовместимостей.
Презирует двусмысленность.
И злится, когда его будоражат «свои» же.
Будучи властью ВЕРХОВНОЙ, оно готово без оговорок признать
любую власть исполнительную.
Для него все равно: что лень, что амбиции.
Главное, чтобы его не беспокоили.
И не заставляли спускаться с высот на землю.
Это нет дела до того, каков есть человек по сути.
Оно в такие мелочи не вникает.
И несмотря ни на что, признает и себя-убийцу, и себя-спасителя.
Линия жизни как линия тщеславия.
Вот оно – нефильТРованное естество человека!
Вот она – невозмутимость жанра!
Это и есть любовь к себе.
В чистом виде.
Без примесей и суррогатов.
И в другом виде ее не бывает.
Любовь эта – не часть характера, и вообще она не может быть частью
чего-то.
Она над характером.
Над телом.
Над всем.
Она существует вне религии и уж тем более ничего не знает о муках
совести.
А вся ее квинтэссенция выражается всего лишь одной незамысловатой,
но броской фразой: «Я плевать хотел...»
На что или на кого конкретно, значения не имеет.
Мир громаден.
Соблазнов – тьма.
Плюй, пока сил хватит.
И хотя объекты меняются, отношение остается.
Вглядитесь в глаза старости.
Даже приближение смерти на это отношение не влияет.
Наоборот, с годами оно превращается в жгучую, злобную потребность.

Иногда без него не то что жить, дышать тяжело.
Ведь плевок – не просто средство выражения чувств.
Это самый точный отпечаток себялюбия.
За который не надо ни перед кем краснеть.
Который всегда готов на преступление.
Но никогда не опустится до покаяния.
Он – за пределами реалий.
Аналогий.
И патологий.
Он – враг всех авторитетов.
Знаний.
И пониманий.
«Я плевать хотел...» – это ген.
От него не избавиться.
Впрочем, я и не собираюсь себя изменять.
Уж слишком глубоко проросли корни.
Каков есть, таков есть.
Может, орел, а может, решка.
Может, стихи, а может, стихиЯ.
ДАКТИЛОСКОПИЯ.
Души.

Россия

МОЙ ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ.
Мой родной неуютный вокзал.
Шумный.
Серый.
Безразличный.
Лишенный улыбок и грусти.
Смешавший в неразборчиво-пьяное месиво всех своих пассажиров.
И сам растворившийся в них.
Я стараюсь не распаковывать свои чемоданы, даже когда в России
живу.
Даже когда вдруг возвращаюсь из затянувшейся поездки с мыслью:
«Наконец, дома».
Но надолго никогда не получается.
Надежды быстро меркнут.
А вслед за ними и настроение.
Потому что меньше всего друзей у меня в России.
И меньше всего меня ждут именно здесь.
«Лучше бы я не приезжал», – это сожаление возникает буквально через
несколько дней и каждый раз звучит как прокурорский вердикт.
Убеждать себя не торопиться с выводом – бесполезно.
На очередные сборы уходят считанные минуты.
Никакого волнения.
Ни прощальных звонков, ни «до свиданий».

И опять – в дорогу.
За новыми приключениями.
В предвкушении новых спутников.
А может, и единомышленников.
Отъезды-приезды уже давно превратились для меня в обыденность.
Нет мужества уехать навсегда.
Но и нет терпения оставаться.
Разрыв каменных отношений с прошлым – болезненный и сложный.
Для этого надо либо окончательно потерять память, либо напрячь силу воли, с которой у меня слабовато.
Но порой хочется решить все одним махом.
Не задумываясь о последствиях.
Без оглядки на совесть.
И ни перед кем не оправдываясь.
Идеальный образ России – на расстоянии.
Вблизи же слезы радости почти всегда приобретают вкус горечи.
Вот и получается, что НОСТАЛЬГИЯ – ПОНЯТИЕ МЕТРИЧЕСКОЕ.
Когда-то давно интуиция подсказала мне формулу: «Я – везде чужой, и потому – свободен».
И Россия не стала исключением.
Более того, время эти слова не только подтвердило, но и придало им пророческий смысл.
Заставив меня в них поверить.
Поначалу мой романтический оптимизм еще пытался их опровергнуть, однако суть так и не поменялась.
Они стали моим знаменем.
Во всех моих удачах и поражениях.
В этом нет ничьей заслуги.
И ничьей вины.
В том числе, моей.
Впрочем, быть чужим – не только тяжкая ноша.
Это еще и привилегия.
Для кого-то транзит – скупое воплощение временности, неустроенности, неопределенности.
Для меня же это форма.
Характер.
Стиль.
А содержание подойдет любое.
Его всегда можно выдумать.
Потому что оно не более чем наполнитель.
Который время от времени приедается.
И требуется замена.
Такова география личной свободы.
Между двумя полюсами.
Легкомыслием и абсурдом.
Что остается делать?
Искать какой-то особенный полюс, третий.

Периодически переключаясь с одной волны на другую.
Пока однажды не придешь к выводу, что этого, третьего, в природе не существует.
До сих пор все пути вели меня не в Россию, а из нее.
Спасибо, что пути эти меня еще уверенно ведут.
Спасибо Богу.
Спасибо ветру.
Без них не достичь победы.
Победы воображения над рассудком.
А точнее – себя над собой.
У художников особое представление обо всем.
В том числе, и о ПЕРВОИСТОЧНИКЕ.
Родина – не там, где ты родился, а там, где тебе хочется умереть.
Вот и носятся слишком впечатлительные человеки до последнего вдоха.
По земле.
В поисках своего надгробного камня.
Чтобы успеть высечь на нем крест.
Кто-то успевает.
Кто-то нет.
САМАЯ ДЛИННАЯ ДОРОГА – В НИКУДА.
САМЫЙ ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД – ИЗ НИОТКУДА.

2012